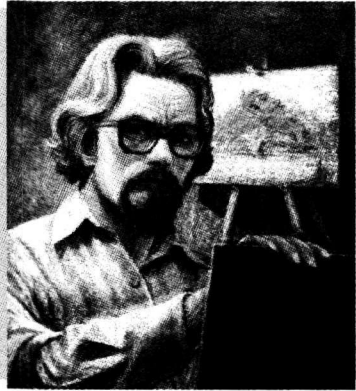

Средство от радикулита

Виктор ФАТЕЕВ

живет и работает в Агаповке, член литобъединения «Магнит». Публиковался в коллективном сборнике «В кругу откровений».

Начиная с 1963 года я почти каждый отпуск, хоть на недельку, урывал время съездить к тестюшке с тещенькой в село Алабуга Бродоколмакского (ныне Красноармейского) района. Поездка к ним была для меня праздником. Там я испытывал какое-то душевное раскрепощение от красоты окружающей природы и, более того, от общения с обитателями этой небольшой уральской деревеньки. Было что-то там от старины глубокой. Жили они небогато, но просто и довольно-таки дружно. Поначалу даже и брагу-то пили из одного ковша по кругу.

К великому сожалению, все это кануло в лету.

По сей день нравится мне диалект тамошний, присутствует в нем что-то особенное, сравнимое разве что с переживаниями весеннего ручья — у женщин и с воркованием голубя — у мужчин. Речь, как правило, сдобривается присказками, прибаутками, приставками «ка», «тожно», а для большей выразительности у мужчин «соленой приправой», в особенности среди молодежи. Добрым словом всегда вспоминаю дядюшку жены — Ивана Андреевича Панова. Какой был знаток старинных песен, шутник, к каждому слову прибаутки и вообще человек добрейший, с кристальной душой. А какой голос имел замечательный — чистый, звонкий, соловей, да и только!

Бытовало, бытует по сей день неписаное правило: навеличивать приезжего, соседа, старшего по возрасту. Мне никогда не приходилось слышать, чтобы кого-то называли Сашка, Витька, а всегда — Сана, Кольша, Витьша, по отчеству и очень редко по фамилии.

Наряду со всеми перечисленными качествами была, есть и будет какая-то русская бесшабашность — душа нараспашку. Любят выпить по поводу и без оно, тут тебе таких выкрутасов навываблуживают — держи живот от колик. Так вот на этой стезе, пожалуй, превзошел всех мой шуринок Александр Иванович Дегтярев, мужчина крепкого телосложения, чуть выше среднего роста, светло-русый, походка — грудь колесом, нос кверху, по натуре холерик.

Про таких в народе говорят «морду лопатой и вперед». Нужно признать: за что бы он ни взялся, все у него спорится, умеет, так сказать, взять быка за рога и из любого дела сделать прибыль. Позволю себе заметить, дорогой читатель, что написанное выше есть присказка, и, прежде чем перейти к самой сути, предлагаю один небольшой эпизодик.

Ввиду отсутствия автобусного сообщения частенько приходилось в любую погоду чапать двадцать километров от автостанции Бродоколмак до Алабуги пешком.

А дорога, что змейка: так и вьется, так и вьется промеж березовых утолков. То она, милая, влево вильнет, то вправо, и кажется, что ты уже не двадцать верст отшагал, а все 25—30.

Так вот, однажды, после такого марш-броска, я поинтересовался у Александра Ивановича, почему такая замысловатая дорога в Алабу-

гу? Ну и что вы думаете? Ответ был получен незамедлительно и вполне исчерпывающий:

— Дак, ие прокладывал-то Роман кривой! У него один глаз на север, тожно, а другой на восток! В которую сторону глянет, тожно, туда и прямо!

Ну а теперь о главном, то бишь о радикулите и о народном средстве избавления от этой напасти.

Дело было ранней весной, еще кое-где в ложбинках, овражках сохранился серо-грязный снег. Время приближалось к обеду, уже хорошо пригрело. Мне, отпускнику, торопиться было некуда, и я вышел понежиться на весеннем солнышке.

— Витьша, здоров?! Поехали на пленеру?! — Это через оградку меня окликнул шуринок.

— Так я, Саша, в отпуске, мне все равно, где проводить его, а у тебя время-то вроде рабочее?

— У, етут твою! У меня все крутица-вертица, тожно, можно ехать на пленеру пировать!

Работал он старшим электриком на электроподстанции РЭС, в подчинении у него было около десятка электромонтеров. Обслуживали они высоковольтную линию в 10 киловатт. Разнарядку ежедневно проводили «через гастрон». Утром все собирались у Александра Ивановича, в первую очередь, «скидывались», да и не по одному разу. После этого получали задание и разъезжались по местам для исполнения возложенных обязанностей. Если таковых кому-то не хватало, оставался на подхвате у бригадира.

Итак, предложение с вылазкой на пленер было принято. Я «подрулил» к воротам шурина, там на скамеечке восседал электромонтер Александр Яковлев. Обменялись приветствиями, справились друг у друга о жите-бытье, тут и шуринок выплыл со двора с трехлитровой склянкой браги и авоськой.

— Яковлев! Садись в карету! Яковлев быстрехонько шмыг в коляску «Ирбита». Шуринок сует ему трехлитровку.

— На, держи, да смотри, тожно, один не оприходуй! Шибко ругаца буду!

— Дак, ты, Александра Иваныч, пошто обо мне так худо думаешь-то, ни в жизнь тако не позволял?! — Я тебе, Яковлев, про то толкую, чтоб ненароком посудину не стинькал, тожно, один штоись и выпьешь!

— Боже упаси, Александра Иваныч, тожно, крепко держу! Яковлев ухватился за банку, что Каин за мертвую душу.

Едва я успел вскочить на заднее седло, как шуринок рванул с места и попер в сторону леса. Следом за нами увязался на мотороллере племянник Володя.

До первых березовых утолков от деревни не более пятисот метров. На полном ходу влетели в первый утоллок, остановились, шуринок посмотрел в сторону деревни:

— Поедем дальше! Тут, тожно, как на ладони все видно из деревни-то! Дал газу до отказа, через сотню метров в другом утоллке снова по тормозам, заглушил мотор.

— Все, приехали! Дальше никуда не поедет! Тожно, здесь будем пиро-

вать! Спешились, разложили нехитрую закуску — хлеб, сало, огурчики, выставили сосуд с брагой, один граненый стакан пропустили по одному кругу. Володя по молодости еще к спиртному не прикасался, сидел рядом, слушал.

Два Александра, поскольку были с утра «заряжены» не единожды, взялись обсуждать свои профессиональные проблемы, а мне было интересно наблюдать пробуждение природы.

Вот уже и почки полопались, появилась нежная зелень на березах, и травка проклевывается через старую побуревшую жухлость. В лесочке большое скопление муравьиных колоний, и в их жизни наступил период трудовой деятельности.

Не знаю, сколько бы я созерцал это возвращение к жизни, но меня вдруг отвлек Александр Яковлев:

— Димитрич! Вот ты хоть скотской, тожно, тоже врач, может, подскажешь, чем лечить радикулит? Тожно, замайнал он меня, ети ево в дышло-то!

Я ему, конечно, посочувствовал, но рецептов никаких не прописал — по той простой причине, что животные такой напастью пока еще не болеют.

Тут в наш разговор встрял шуринок и тем самым спас меня от ненужных разъяснений.

— У, етут твою! Давно бы спросил у меня! Тожно, я тебе и сказал рецепт-от!

— Дак ты, Александра Иваныч, штоись, кажен поди день видишь, как я загибаюсь, и помалкиваешь?! — Яковлев! Вот видишь эту кучу мурашинуую?!

— Ну, тожно, вижу! — Вот бери, тожно, свою Маруську и мешок, а то и два, и дуй в этот утоллок! Из любой кучи их тут дохрена, набребай полон мешок, либо два и домой! Истопи баньку, нагрей воды и мурашей вместе с мусором запарь в бочке. Тожно, когда остынет, что терпеть будет можно, залазь в эту бочку и сиди, покуда не пропрешь, как следоват, и никакого радикулита лет десять, тожно, не будет! Мне Анна Николаевна один токо раз так сделала, уже третий год пошел, как ниче не болит! Учись, Яковлев, пока я живой!

— Дак, Александра Иваныч, они же жалатся!? Я их дак шибко, штоись, боюсь, мурашей-то! — У, етут твою! Смотри! — засучает рукав выше локтя и в первую кочку запускает руку по самый локоть, подержал несколько секунд, вытащил, отряхнул муравьев и показывает:

— Вот, смотри, Яковлев! Ни один, штоись, не ужалил!

— Дак ты, Александра Иваныч, со пчелами-то возисса, тожно, привык, пото тебе и не страшно, а я шибко их боюсь! Зажалат ведь, тожно, до смерти!

— Яковлев! А хочешь, я голой ж...ой на кучу-

то сяду и, штоись, ни грамма не испугаюсь!

— Разыгрывашь, Александра Иваныч, ты меня, тожно?!

Тут шуринок быстренько с себя одежду долой:

— Яковлев! На которую кучу-то сись?!

— Дак, Александра Иваныч, уж котора тебе шибко приглянеца, тожно, на ту и садись! Шуринок подошел к самой большой муравьиной кочке (по тому, как и сам-то внушительный), зажал в пригоршенку детородное хозяйство и спокойно сел на кочку. У Яковлева глаза вот-вот вылезут из орбит и челюсть, гляди, отвалится от удивления. Мы с Вовкой до этого хохотали, а тут даже дух перехватило, и глаза вытаращили. Шуринок выдержал несколько секунд, спокойно встал, ошмыгал с тела муравьев и направился к нам.

— Ну, вот, Яковлев, я же тебе говорил, тожно, напрасно ты мурашей-то боисса! Ни один, штоись, не ужалил!

Подошел, оделся, выпили с Яковлевым еще по стакану, завязали спор. Стакан браги, видимо, возымел свою роль, и Яковлев решил доказать, что он тоже не лыком шит. Одной связкой стянул с себя все штаны, какие на нем были, направился в глубь леса и оттуда кричит:

— Александра Иваныч! Я на твою-то кучу не сяду! Ты их, мурашей-то, расшугал, теперича они, тожно, злы, как собаки!

— У, етут твою! Их тут одиннадцать штук, куч-то! Тожно, на любую садись, котора понравивца!

Яковлев подошел, выбрал одну из кочек, на которой, видимо, не так живо копошились муравьи, подошел, подхватил подол рубашки и полы пиджака руками и плюхнулся в кучу.

О, Боже! Словно какая мощная пружина сработала в кочке. Яковлев штопором взвился вверх и с воплем помчался по лесу, выделывая замысловатые кренделя ногами и сбрасывая на ходу остальную одежду, пока не остался совершенно голым. Тут уж у нас с Вовкой начался гомерический хохот со слезами и прочей

мокротой. Собирает Яковлев свои «шкурки» (майка, рубашка, свитер, пиджак), ворчит. Каждую вещь тщательно стряхивает, осматривает и только потом надевает на себя.

— Александра Иваныч, я больше ни в жисте не сяду на кучу-то и лечица твоими мурашами, тожно, не буду! — У, етут твою! Дак тебя, штоись, никто и не обязывает! Это дело-то сугубо лично! — парирует шуринок.

Пока Яковлев вытрясался, одевался, бубнил что-то себе под нос, шуринок быстренько вскочил, схватил связку его штанов (трусы, кальсоны, стеганые брюки и простые, рабочие), поднес все это к куче, набросал ее содержимого вовнутрь, положил на старое место и сидит, ухмыляется. Яковлев закончил трясти верхнюю амуницию, подошел к нам и, продолжая болболить, не глядя, сунул ногу в штаны. Тут его лицо искажилось от страха, глаза полезли на лоб. Он моментально раскидал всю одежду и остался опять голым. Все пришлось перетряпать вновь. Мне его стало жаль, и я помог ему справиться с этой проблемой. Пока трясли, Яковлев пустил слезу и стал жаловаться мне:

— Вот, Димитрич, Александра-то Иваныч, тожно, завсегда так надо мной изгаляца! Думаешь, мне не обидно?

До Александра Ивановича, видимо, тоже дошло, что лишка хватил:

— Ты, Яковлев, не реви и на меня не сирдись! Айда затони стаканчик-от, оно, глядишь, и полегшат! Я ведь не по злу, а шутя, и тебя шибко люблю, как родного!

Притянул Яковлева к себе, еще пропустили по одному. Уже шибко хорошие продолжают беседу в обнимку и с поцелуями. Когда склянка «высохла», сели на мотоцикл и газанули в гастрон.

У Яковлева еще часа два, пока сидели уже за баней у шурина, «мурашки по телу бегали», он то и дело запускал руку то под рубашку, то в штаны.

Вот так закончилась мурашиная кочкотерапия для двух Александров, а у нас с Вовкой двое суток болели от хохота мышцы живота.

